
Если б не было тюрьмы поближе...

[Валерий ЛИПНЕВИЧ \(Беларусь\)](#) - 06 августа 2017

Body

«Стыдно жить за границей, а тем более хорошо». Соответственно своему афоризму Владимир Бурич за границей не жил – он там умер. 26 августа 1994-го, в Македонии, во время Стружских вечеров поэзии, после яркого, эмоционального выступления. Собственно литературная жизнь Владимира Бурича – с изданиями, поездками за границу, фестивалями, премиями – поместилась в антракте между двумя инфарктами. Но литературная репутация к этому времени уже сложилась: мэтр русского верлибра, или, как настаивал Бурич, свободного стиха.

Он так и остался автором одной книги. Вторая, изданная после его смерти Музой Павловой, женой поэта, только подчеркнула эту единичность – то же самое название, точно такое же оформление. Она дополняет первую, как подводная часть айсберга его надводную. И не столько стихотворениями, сколько приватным, биографическим материалом, той реальностью, что сгущается в сон творчества. На чёрном поле обложки – белый квадрат, символ вечного противостояния света и мрака, хаоса и гармонии.

*Чёрное
ищет белое
чтобы убить в нем светлое
и превратить его в серое
или полосатое*

Ни в серого, ни в полосатого Бурич не превратился. Он был органично не способен ни к каким компромиссам. «Я прожил жизнь по принципу инакомыслия. Я думаю иначе – значит, существую».

Его романтическое «или-или» упиралось в ограничители реальности, но никогда не становилось трезвым «и-и». Это превращало его жизнь, особенно в последние годы, в сплошные страдания. И то, что он умер в середине тогдашнего хаоса – в Югославии, которую раздирали на части, добавляет к пониманию поэта также что-то существенное, хотя и очень знакомое, хрестоматийное: ищет бури. Не зря же – Бурич. Впрочем, ему

хватило первых разрядов приближающейся грозы – расстрела российского парламента. На долгие месяцы он затворился в недостроенном доме на берегу Оки. Это время тоже сказало на состоянии здоровья. Да и перед последней поездкой в любимую Югославию ему пришлось разгружать машину с кирпичами – в постоянном достраивании своего дома он находил некоторое успокоение. До бомбардировок Белграда, к счастью, он не дождался. Так же, как и до бомбардировок Донбасса, в одном из городов которого – Ямполье – он родился.

В могучих борениях духа рождались его краткие, холодновато-сдержанные стихи. Их можно сравнить с камнями, что разлетаются из кратера действующего вулкана и, остывшие, ничем не напоминают о тех температурах, что им довелось выдержать. Классические по изяществу и благородству стиля («Мой внутренний голос, голос моего «я», чистый и не терпит никаких стилевых отклонений»), аполоновские по духу, стихотворения Владимира Бурича таят в себе громадную энергию преодоления хаоса и мрака, диониссийских, провокационных стихий бытия.

Если поэт – самоизлечивающийся невротик, то в случае с Буричем поэт излечивается, когда дарит читателю возвращённое себе здоровье, а не собственную немощь. Поэтому естественно, что для Бурича поэзия «не отражение реальности», а «одна из форм психологической адаптации», «прикладная психология». И в качестве таковой она не требует, согласно Буричу (словами Пушкина) «условных украшений стихотворчества». А уметь создавать поэтические тексты, в которых «количество ассоциаций колеблется от одной до бесконечность минус единица», – это значит «уметь управлять спектром ассоциаций, сужая его до нужных размеров».

Любопытно, что создатель «универсальной теории адаптации» всегда демонстрировал свою собственную неспособность к её реализации. Думаю, что это тот же самый случай, когда идея свободы становится доминантой патологически рабского сознания.

Напоминает о теории адаптации и фотография внутри обложки – железная ограда, ассимилированная деревом. Что тут поэт – дерево, ограда? И кто кого подчиняет? И не есть ли жизнь соединение мягкого и твёрдого, светлого и тёмного? И где граница между природой и искусством? Начинают книгу символы противостояния (в этом стиле и фотоснимок поэта – «бодящий» Бурич), заканчивают – символы взаимопроникновения. Выразительная графика стихотворений, их светлое радио уравниваются многозначным образом-символом. Вспоминаются последние строки книги:

*Жизнь –
искра
высеченная палкой
слепого*

Что это – признание светлого радио в своей беспомощности? Или трезвое понимание границ, которые не в состоянии нарушить? Или свет так стремительно сменяется мраком, что ничего нельзя разглядеть? Или введённые в заблуждение скупой рациональностью стиля, мы только теперь заметили, что поэт все время пробует разговаривать с нами ясно о тёмном, светло – о мрачном. Но об этом нас уже предупреждала обложка: поле сознания, – белый квадрат, – как свет фонаря на дороге, всегда что-то выхватывает из темноты, достаточно ясное само по себе, что притягивает – отклоняет? – наши органы зрения от самого главного – извечного мрака, как только свет – культура, разум – гаснут. Точнее, скульптурно-пластичные образы стихотворений самодостаточно-самодовольные и взволнованно-сдержанные свидетельствуют об опасном пути над бездной, по которому ощупью продвигается могучий дух. Ему под силу сомневаться и размышлять в той ситуации, когда более слабым остаётся только вера. «Я не верующий, я думающий. Я тот, кто сомневается», – стыдливо признается поэт. Вся гуманистическая культура выросла на этом фундаменте. И «гуманист-одиночка» Бурич, как и Маркс, обходится без смысла жизни, но признает её цель – биологическую адаптацию. И тогда, согласно Буричу, «нет литературы плохой или хорошей, а есть литература, которая адаптирует определённого

индивида или нет».

Таким образом многие проблемы, в том числе и литературной критики, могут быть редуцированы. Вероятно, именно поэтому, при всём разнообразии литературных занятий, Владимир Бурич не писал никаких критических работ. Он ограничивался разработкой самых общих и универсальных проблем. Его «Типология формальных структур русского литературного текста» также вошла в книгу. Пожалуй, именно в его литературоведческих работах наиболее убедительно проявляется способность делать тёмное светлым. Я думаю, что в данном случае есть смысл говорить не только о возможном литературоведе Буриче, сколько о редком соединении в одной личности острейшего инструмента исследования и уникального объекта исследования. Вероятно, Бурич не мог бы заниматься ничем иным, что выходило бы за границы его экзистенциальных интересов. Он мог заниматься и занимался всем, что хоть как-то задевало их. Он литературовед в той мере, какая необходима для осмысления его практики свободного стиха. Собственно профессионализм, который граничит с кретинизмом, был ему чужд во всех областях. Даже поэзия оставалась для него лишь «одним из параметров развитой суверенной личности». Именно она может быть целью, всё остальное – только средство. В сущности, поэт и есть та эталонная идеальная личность, которую так и не затребовало время. Настоящему нужны исполнители – во всех областях. Эталон остаётся для будущего, для вечности, для закрепления образа человека вообще. Именно поэтому проблема приспособления поэта ко времени – самая болезненная для реальной личности. Осознавая проблему адаптации как свою главную психологическую проблему, – инакомыслие требует, – Бурич решал ее не как обыватель, вечный антипод поэта и опора демократии – «представительной власти обывателей» (их большинство и поэтому: «я не демократ, я – гуманист»), – он решал её как поэт – для всех.

*Стихи мои –
профилактические прививки
от страха
отчаяния
смерти*

Поэтому он писал о главном, о том, что в любом социуме и во все времена встаёт перед каждым человеком и для чего люди обращаются к искусству, религии, а когда те не дают спасительных ответов – к алкоголю и наркотикам.

*и еще одно поколение
прошло
мимо трибуны
молодости
распевая
размахивая цветами*

*за углом
на грузовые машины
аккуратно складывая транспаранты
волосы
зубы*

*в проектируемом переулке
получая маски
для
ночного карнавала*

Здесь вечная тема неизбежного старения и исчезновения жизни воплощена в образах ещё

недавно актуального социального ритуала. Жизнь проходит, как демонстрация трудящихся. Жизни перепадает казённого оптимизма, только оттеняющего трагизм бытия, а демонстрация приобретает характер тягостно-повторяющегося мифа. Личность оказывается под двойным гнетом социального и природного. Сознание фиксирует положение в дурной бесконечности, из которой выход только один - за пределы жизни. Но следующее стихотворение напоминает: ты не вправе распоряжаться собой, ты "на вершине стройплощадки, называемой родом", ты - "единственное, из-за чего они жили", в твоей власти «сделать их борьбу бессмысленной». И сознание медлит, теряя основания, отыскивая убедительные аргументы:

*Надо
докормить своё тело
это чудо передвижения*

Я думаю, что Бурич не обиделся бы, если бы назвали его теорию адаптации просто стоицизмом. «Ничего себе адаптация! Увлекает человека к бездне, а потом заставляет прогуливаться по краю!» Любопытно, что в современной психологии (Франкл) есть что-то аналогичное – метод парадоксальной интенции. Если человек чего-то боится, его убеждают доходить в своем страхе до самого края, не сопротивляться страху, а поддаваться ему. Так же поступает и Бурич: он толкает сознание к обрыву, чтобы оно в конце концов отшатнулось и удержалось на краю. Или обрушилось в бездну. Сознание поэта выдерживает всю жёсткость познающего разума.

*Серенькая птичка
с желтым пятнышком на грудке*

*дай мне тебя убить
чтобы тебя разглядеть*

И относительно себя самого рефлекс познания тоже доминирует:

*И вновь
желанье заглянуть в себя
в дырочку от пули*

Вовсе не случайно у поэта «любопытные глаза» и, в сущности, единственное, чего он на самом деле боится: «умереть в самый интересный момент». Но может это любопытство вместо? Вместо всего, чего он лишён: любви, счастья, ребёнка, дома, признания на родине. Ведь он в этом мире ни на что не способен.

*Хотел улыбнуться
лицо лопнуло как глина*

*Хотел заплакать
из глаз посыпался пепел*

Иногда кажется, что свои стихотворения Владимир Бурич писал в одиночной камере. В сущности, как и у многих из его поколения, это так и было – заключение в самом себе, наедине с совестью. Об этом он говорит будто бы несерьёзно, перефразируя Маяковского: «Я хотел бы жить и умереть в Париже, если б не было тюрьмы поближе». Тюрьмы собственного тела, существования, социума. Для человека, который исповедует романтическое «или-или», тюрьмой становится всё.

Маяковский – не только кумир молодости Владимира Бурича. Он то, от чего Бурич всё время отталкивается, но при этом всегда остаётся с ним: «Я покинул Маяковского, ни на йоту не изменив ему». Общее у Бурича с Маяковским прежде всего то, что они оба –

советские поэты. Маяковский первый, Бурич – последний. Поэтому при общей любви к высоким идеям, идеям «возвышенного меньшинства», они такие разные в своей творческой реализации. Но Маяковский и Бурич – это отдельная и большая тема. Хотя, по собственному признанию, Бурич был «шестидесятником в пятидесятые годы», диссидентом он всё же не стал. «Я всегда боялся повредить моей стране и народу». По сути своей личности он был ориентирован на созидательную культурную работу. В этом русле его переводческая и редакторская деятельность. Он искренне стремился найти себя в социуме, – «не пугайся, это твоя родина!», – наладить с ним живые и спасительные связи. Отсюда и навязчивая идея Дома, так и не реализованная до конца на берегу Оки, и водопровод в деревне, на который он потратил много сил, и телефонизация, которую он уже не успел завершить.

Поэзия, как и жизнь вообще, всегда свободна от прошлого, каждый её шаг непредсказуем. Но это свобода ребёнка от своих родителей. Наследственность, как и традиция, проявляется, а не диктуется. Общий смысл заставляет в разных вещах узнавать одно и то же. Вот это неожиданно проявляемое и есть традиция. Для её реализации требуются прежде всего разные вещи. Бесконечное рабское тиражирование размывает традицию, заводит в тупик эпигонства (в том числе и автоэпигонства). Каждое стихотворение Бурича – уникально. Другие могут повторяться, творцу это просто скучно. Кстати, единственная традиция русской поэзии – совесть. И в этом смысле Владимир Бурич поэт абсолютно традиционный.

*Дуешь в волосы своего ребенка
Читаешь названия речных пароходов
Помогаешь высвободиться пчеле из варенья*

«Каким предательством ты купил все это?»

В сущности, метод Бурича – акупунктура. Мягкие движения, поглаживания, которые отвлекают внимание, и – точный и всегда неожиданный укол, после которого во все стороны расходятся волны ассоциаций.

В принципе, соглашаясь с Буричем («Мы опоздали на целую стихотворную систему, которая более полно отражает психологию современного человека»), стоит заметить, что каждая система – это всего лишь методика. Она вовсе не гарантирует успеха, чаще всего она только приметит времени, которое предлагает иные технологии. В поэзии всё определяется уровнем личности создателя. Его технологические предпочтения всего лишь дополнительная информация о нем самом. Так же, как и его современность – всего лишь тонкая разноцветная плёнка на поверхности вечного источника. Читатель всегда оценивает по конечному результату: волнуют ли мысли поэта, заражают ли его чувства, развеивает ли сумерки бытия свет его личности?

Владимир Бурич не только тем будет любезен народу, что прививал русской поэзии свободный стих – это дело исключительно литературное, цеховое – но прежде всего тем, что, как и многие его современники, оставил драгоценный духовный опыт достойного выживания одиночки. Сегодня опыт одиночек, добытый в авторитарной системе – сарказмы истории постоянны – необходим для выживания миллионов в демократической. Хотя по глубокому убеждению поэта «жить стыдно». Всегда и везде.

[Валерий ЛИПНЕВИЧ \(Беларусь\)](#) - 06 августа 2017

<http://webkamerton.ru/2017/08/esli-b-ne-bylo-turmy-poblize>

